

12+

ВМЕСТЕ ИЗ ГОРЬКИХ ЯГОД

♦ СТИХИ И СКАЗКИ ♦

♦ Виктория Рощина ♦

Виктория Рощина

**Вино из горьких ягод.
Стихи и сказки**

«Издательские решения»

Рощина В.

Вино из горьких ягод. Стихи и сказки / В. Рощина —
«Издательские решения»,

«Вино из горьких ягод» — сборник чувственных стихов и сказок из потаённых уголков души: несмотря на темноту, там сияют драгоценные камни, манящие многогранностью оттенков. Каждый камень — это история, которую автор сокрыл под обложкой. Осмелишься ли ты, дорогой читатель, отправиться в захватывающее путешествие и испить вина вместе с отважными героями, мудрыми хранителями лесов и нежными девами? Вино из горьких ягод ждёт тебя в заколдованной чаще...

© Рощина В.

© Издательские решения

Содержание

Сказка о пурпурных яблоках и танцующих тенях	6
Сон колдуньи Ингеборги	8
Йель и вино из горьких ягод	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Вино из горьких ягод Стихи и сказки

Виктория Рощина

*Этот сборник посвящается всем, кто видел меня в момент
преодоления трудностей и принимал меня в бессилии. Пусть в вашей
жизни будет как можно больше радостных событий.*

*С уважением и любовью,
ваша Виктория.*

Редактор Ирина Суздалева

Корректор Ольга Рыбина

Иллюстратор Павел Савчук

© Виктория Рощина, 2026

© Павел Савчук, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-4136-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказка о пурпурных яблоках и танцующих тенях

На севере, где сияние ночи одаривает землю пурпурным золотом, жила таинственная Дагмара. Она была одной из тех немногих, кто знал: пурпурное золото обладает мощной силой, и если взять несколько камней и посадить вместо семян, вырастет яблоня. И не алые на ней будут яблоки, а пурпурные. Не рассказывала никому милая дева о своих знаниях. Отец не раз говорил ей: «Не делись с незнакомцем сокровенным, а сначала присмотрись: его тень расскажет тебе больше него самого». Днём Дагмара помогала матери по хозяйству, а ночью вставала, чтобы выпустить ночных птиц, чьё оперение славилось пурпурным, лазурным и бирюзовым сиянием. То были птицы её отца, которые летали по ночному небу, и сияло оно таинственными оттенками и серебряными рунами. Взамен небо отдавало птицам своё пурпурное золото, и с утра они приносили его таинственной Дагмаре. Делила она золото с отцом, а свою часть берегла, потому что очень хотела вырастить пурпурный сад.

И вот по весне предала она пурпурное золото земле, а к осени выросли в саду яблони. Были яблоки на вкус слаще и нежнее любых изысканных сладостей. Все вокруг знали: прекрасен сад Дагмары, но проникнуть в него никто не решался, ведь шутить с их семьёй — дело последнее. Жители понимали, что отец девушки владеет редким колдовством, от которого не найти исцеления. Но нашёлся смельчак, чья тень была проворнее самых сильных чар. И звали его Вендель. Очень уж он захотел украсть яблоко из сада красавицы, да не с простой целью: желал он, чтобы Дагмара полюбила его и их тени слились в одну.

Жили в доме Венделя тени, и все ему повиновались. Владел он хитрым искусством: тени в его руках танцевали, пели, звали с собою. Все, кто когда-то видел это, говорили: «Чары Венделя сильны. Никогда не забыть нам, как танцевали тени, как пели они о былом и прекрасном, как рассказывали истории, от которых голова идёт кругом!» Знал Вендель, что тени могут увести за собою, поэтому никогда не очаровывал людей настолько сильно, насколько хотел очаровать Дагмару. И вот однажды вечером он призвал несколько теней со словами: «Ощутите каждый вдох этой царственной семьи, прочувствуйте их шаги, вдохните их запах, а затем делайте так, как я сказал».

В тот вечер семья Дагмары крепко спала, однако девушку долго беспокоил шум, доносящийся со двора: тени шуршали, звали её, тихо смеясь.

«Неужели моя семья всё ещё не спит? — удивилась Дагмара. — Слышится мне, что отец зовёт меня, что мать смеётся. Что же творится на улице?»

Надела Дагмара шубу и вышла за дверь. Первый снег лежал на земле. Окропило снежинками щёки девушки, легли они на её светлые волосы, точно фата.

Услышала Дагмара голос отца: «Оттого первый снег осенью выпал, что праздник пришёл в наш дом. Угости отца пурпурным яблоком. Никто ещё, кроме тебя, не пробовал сладких плодов, я первым буду».

Увидела девушка отцовскую тень, что раскрыла для неё объятия, но отца рядом не было. Почувствовала Дагмара неладное, но признаваться не стала, ответила: «Пойдём, отец, я угощу тебя яблоком. Но есть один уговор: нельзя мне тебя обнимать, ведь вижу я только тень, но не человека. Любят сады, когда приходят к ним живые люди. Ступай за мной, притворись моей тенью, а в саду я сорву яблоко и передам его тебе».

Взяла Дагмара фонарь и пошла в сад. Непростая была идущая за ней тень: служила она Венделю. Он-то и заколдовал тень, превратив в отцовскую.

Подошла Дагмара к саду и видит, что стоит перед ней материнская тень и весело смеётся: «Знаю я, что у вас праздник. Будете с отцом сегодня есть сладкие плоды. Я тоже этого ждала. Отчего меня не позвали?»

Ответила Дагмара: «Рада я, что ты пришла, моя милая мама. Для тебя выросло в моём саду самое сладкое яблоко. Его-то я тебе и отдам».

Встрепенулась тень и последовала вслед за Дагмарой. Остановились они у самого высокого дерева. Услышала девушка шёпот — тени просили угостить их сладким плодом: «Милая Дагмара, дай нам попробовать пурпурное яблоко. Может быть, мы однажды станем людьми».

Посветила Дагмара фонарём и сказала: «Прежде чем сорвать с дерева яблоко, хочу устроить таинственный бал. Знаю я, Вендель, что тени твои пришли по мою душу. Ты первый, кто пробрался ко мне в сад, но не должны родители знать, что самое сладкое яблоко достанется тебе, иначе не быть мне больше со своей семьёй. Как взлетят на небо птицы с сияющим оперением, мы станцуем с тобой наш последний танец, а затем тебе придётся покинуть меня».

Решили они танцевать в тишине, под шум теней и деревьев, но этот шум был паре милее любой музыки. Окружили тени пару, подняли в небо и качали на волнах ветра, пока не взлетели в небо птицы с сияющим оперением.

«Прежде чем уйти, я хотел взять самое сладкое яблоко, — ответил Вендель. — Но сделать этого не могу, ведь ты чиста и смела, да настолько, что именно с тобой я хочу быть честным. Не заслуживаешь ты быть изгнанной из родительского дома, но и я не могу остаться с тобой надолго: ещё с детства я встал на путь хитрости и лукавства. И чары мои не так добры, как твои. Всё, что я могу сделать, — это уберечь тебя от зла, так пусть мои тени оберегают тебя отныне и до самой смерти».

Не суждено было смелой Дагмаре подарить Венделю сладкое яблоко. Хитёр был юноша, и недобрыми были его тени. Но именно Дагмаре они были готовы служить верой и правдой, отказавшись от лукавства и хитрости.

Отныне живут у Дагмары тени Венделя, хранят её от всего дурного, а ночами качают её на руках. Иногда праздничными вечерами они танцуют на площади. Удивляется народ: «До чего искусен театр теней Дагмары, будто сам Вендель приходил к ней свататься!» А девушка в ответ лукаво улыбается, ведь она знает, как всё было на самом деле.

Сон колдуньи Ингеборги

Давно живёт в норвежском городе Исе волшебница Ингеборга. Её верный помощник Ларс ухаживает за домом с бирюзовой крышей, а Ингеборга наблюдает за бирюзовым пламенем, ведь с его помощью она трактует сны. Пламя горит под ледяным резным колпаком. Нередко кто-нибудь из разбойников пытался проникнуть в дом волшебницы и унести бирюзовое пламя, но тщетно: оно обжигает их руки и ломает жизни. И поэтому многие жители обходят её дом стороной, зная: с Ингеборгой шутки плохи. И только чистый душой человек может прийти к волшебнице в дом и заговорить с ней. А может быть, тот, кто приходит к Ингеборге, вовсе не человек?

Неспокойно было бирюзовое пламя в то утро, так и норовило растопить ледяной колпак. Удивился Ларс: «Горит оно как глаза хищника. Видно, кто-то идёт к нам с недобрыми вестями».

В дверь постучали. Вышла Ингеборга за порог и видит: стоит девушка. Русые волосы выются непослушной волной, а зелёные глаза сияют так, как не могут сиять глаза мирского человека.

— Что же случилось с тобой? — спросила Ингеборга. — Вижу я, что не человек ты, а душа, которой нет покоя.

— Да, я душа, что когда-то была юной девушкой. Зовут меня Ронат. Жила я в далёких кельтских землях, но ради мести убила отца и себя. Отныне блуждаю я между двумя мирами, и нет мне места ни на небе, ни на земле.

— Проходи в мой дом, — позвала гостью Ингеборга. — Уж у меня найдётся место для всех: и для земного человека, и для гостя из других миров.

Села Ронат рядом с Ингеборгой, видит: колышется пламя.

— Самое время рассказать, с чем ты пришла, — предложила Ингеборга.

И Ронат рассказала то, о чём волшебнице следовало знать.

— У меня была славная семья: ловкий лучник-отец и мать, на вышивку которой приезжал посмотреть чуть ли ни весь Уэльс. Всегда бодрый и улыбчивый, отец приносил в дом дичь, обучал молодых стрелков, а мама неторопливо вышивала, но работу заканчивала точно в срок. Все в стране знали, какая она талантливая, и с удовольствием украшали дома её вышивкой. Всё могла вышить мама: и созданий, коих не существует в природе, и пейзажи, и животных!

Я гордилась мамой, но понимала: вышивка не для меня. Я хотела пойти по стопам отца и уже с ранних лет училась стрелять из лука, приносила в дом дичь. Отец учил меня не ранить животных зазря и относиться к ним бережно:

— Хотя зверь и кормит человека, не рань детёнышей и матерей. Им будет сложнее пережить потерю. А вот в зверя-одиночку смело целясь.

Я слушалась отца, поэтому охота радовала нас обоих. Я приходила домой весёлая, раскрасневшаяся от мороза. Хвалил меня отец: «Ронат вся в меня. Не зря она, как и я, родилась в начале зимы. Такое суровое время только для стрелков! Не баранов же ей пасти!»

Мать возражала:

— Хотя и рада я, что Ронат пошла в тебя, не женское это дело — быть лучником, Брайс! На охоте можно наткнуться на свирепого зверя, а уж о сущностях лесных я вообще молчу! От них ни одна стрела не спасёт.

— Милая моя Дарон, да какие сущности в нашем лесу! Уже в прошлом веке все перемелись.

Мать качала головой, думая: «Как бы чего не произошло», но принимала мою страсть к стрельбе из лука. Понимала она: я родилась в декабре, а это самый холодный месяц. Дочери декабря к лицу быть бунтаркой.

Однажды отец сообщил, что собирается на долгую охоту:

— Ты пока слишком юна для такого долгого пути, Ронат. Оставайся дома.

— Отец, возьми меня с собой, я чувствую неладное! Не вернёшься ты с этой охоты.

— Полно тревожиться. Нет в лесу никого, кроме зверя. Уж такому стрелку, как я, дикий зверь ничего не сделает.

Ушёл отец, и не было его десять дней. Тут встревожилась и мать: «Куда же подевался мой дорогой Брайс? Неужто загрыз его дикий зверь? Пусть ночью мне сегодня приснится сон, который всё и расскажет».

Легла мама спать, и приснилось ей, что отец целует демона, облачённого в женщину. Волосы у женщины длинные, белые, до пят доходят. Обнимает она отца, будто снежная буря, а он и рад утопать в её ласках. Не ведает муж, что перед ним Руил Дху, сущность, обманывающая путников и вселяющая в их сердца предательство.

С самого утра мать была сама не своя. Давно она чувствовала неладное. Рассказала, что отец попал в плен к Руил Дху, а я и размышлять не стала — схватила бронзовую стрелу, что отец мне на день рождения подарил, и новый лук. Знала я, что бронзовая стрела может убить сущность одним ударом, главное — верно целиться. Руил Дху ни одна отцовская стрела не возьмёт, а бронзовая — запросто.

— Ронат, милая, ты на верную гибель идёшь! — кричала мать. — Отца уже не вернёшь, а ты ещё можешь спастись, не ходи в лес!

Но я её не слушала: яростью налились мои некогда спокойные карие глаза. Руил Дху разрушила любовь, что царила в нашей семье. Этого я бы просто так не оставила.

Дошла я до чащи, где мы с отцом охотились, спряталась под елью и стала ждать.

«Уже полдня прошло, а Руил Дху всё не появляется, — злилась я. — Видно, боится она моей стрелы. Выходи, Руил Дху, бой наш будет честным. Уж в спину тебе не выстрелю. Прямо в сердце буду целиться».

— Ронат! Милая моя Ронат! — окликнул меня отец.

Удивилась я. Застыла как вкопанная.

— Отец!.. Я думала, тебя давно нет в этом мире! Мне известно, что ты матери изменил, но твоя ли это воля?! Признавайся, где прячется подлая Руил Дху. Уж её я одной стрелой прикончу.

— Не так-то просто до неё добраться.

— Это ещё почему?

— Эта сущность любит вселяться в того, кто попал в её лапы. Отныне я в её власти. Ронат, чтобы я остался жив, прости меня.

— Как? Неужели это правда?

Натянула я тетиву. Страх тут же сдавил моё сердце. Не решалась я выстрелить, ведь убив Руил Дху, я убила бы и отца. Но чем больше натягивала тетиву, тем сильнее становилась моя ярость.

— Прежде чем я убью Руил Дху, скажи, почему ты ей покорился? Ты же сильный человек!

— Руил Дху — демон. Мы не можем контролировать их деяния, вот и я не смог, моя милая Ронат. Как же я жалею, что не послушал Дарон. Как увидел я сущность, так и отдался ей, не помня, кто я и зачем пришёл в лес. А когда очнулся, была метель. Руил Дху сделала своё грязное дело, облачившись в женщину. Но чудом вспомнил я, что являюсь мужем Дарон и твоим отцом, моя милая Ронат, моя юная лучница.

— Прощай, отец! Пусть метель укроет твоё тело.

Выстрелила я, и попала бронзовая стрела точно в цель. Вылетела из отцовского сердца Руил Дху, страшная бледная сущность, пролетела над лесом с предсмертным стоном и подняла бурю. Поняла я, что с бурей мне не справиться: стрела была не в силах побороть колдовство.

Однако даже перед смертью отец не растерялся: «Хоть я и покорился демону, но дочь свою в беде не оставлю!» И прежде чем его тело остыло, отец укрыл меня собою, сказав: «Отныне мы с тобой будем вместе. Пусть Руил Дху и отняла у меня Дарон, но она никогда не отнимет у меня дочь!»

К ночи мы превратились в большую ледяную фигуру. Отныне наши сердца бьются под толстым слоем льда. Уже год стоит эта фигура посреди леса, и все заплутавшие путники просят у неё помощи и защиты.

Мать в тот день была безутешна. Плач её слышал весь город. Отныне она больше никогда не садилась за вышивку. Самой последней её картиной был портрет сущности Руил Дху, отнявшей у неё самое дорогое. Портрет был вышит бронзовой нитью.

— Чего же ты хочешь? — спросила Ингеборга.

— Никак не может успокоиться моя душа, — чуть не плача ответила Ронат. — Каждый день моя мама приходит к ледяной фигуре, под которой скрылись мы с отцом, плачет и просит вернуться назад. Не хочет она верить, что я уже не вернусь, а пока она не может меня отпустить, нет мне места ни на земле, ни на небе. Пусть моей маме приснится бирюзовое пламя: расскажи ей, что я буду счастлива на небе, но лишь тогда, когда она решится меня отпустить.

— Хорошо, моя дорогая Ронат. Вижу я, что сильно ты скучаешь по маме, но понимаешь, что место ей — в мире земном. Я передам ей весть от тебя.

Поблагодарила сущность волшебницу низким поклоном и растворилась в воздухе.

Ночью Ингеборга заговорила бирюзовое пламя ритуальным танцем, чтобы присниться Дарон. Почувствовала Дарон, что обнимает её рыже-русская женщина в длинном платье — то была волшебница. Стало бедной женщине тепло, как не было давно. Сказала ей Ингеборга: «Отпусти Ронат. Её ждёт счастье на небе, тебя — на земле. Пусть твоя золотая нить никогда не идёт по тропе прошлого и вышивает лишь настоящее».

Утром Дарон подошла к окну и прошептала: «Я отпускаю тебя, дочь моя. Надеюсь, ты будешь счастлива на небесах. Береги отца, и пусть он бережёт тебя».

Вышила Дарон дерево — символ жизни и повесила у изголовья кровати. Чувствовала она, что место её пока здесь, на земле. А затем, через много-много лет, она снова встретится с мужем и дочерью на небесах.

Йель и вино из горьких ягод

* * *

Славным парнем был Йель — сын лесника: высокий, ловкий, смывлённый! Знал, где водится заяц и белка, ведал, какие грибы и ягоды есть не стоит. Мог на самое высокое дерево взобраться да врага разглядеть. Но была у Йеля одна беда — всегда сожалел о прошлом. О том, что любил девушку, которая не ценила его ухаживаний, о том, что однажды в детстве чуть не связался с разбойничьими детьми и напакостил жителям деревни, — обо всём жалел. Никак не мог юноша своё прошлое отпустить. Все Йеля давным-давно простили, только он мучился и говорил про себя: «Ненасытное у меня нутро — хлебом не корми, дай только жизнь себе испортить».

Мать успокаивала сына: «Да разве было у кого-то детство, которое не ведало ошибок? Разве может жизнь человека быть мудрой с рождения? Не бывало такого никогда, Йель».

Отец не знал, как помочь юноше, ведь Йель был всем хорош. Жители деревни нахваливали молодого человека: «До чего же у тебя, Аарт, и у жены твоей Авалины прекрасный сын! Такого юношу ждёт большое счастье!» Но Йель этому не верил: казалось ему, что прошлое тянется за ним длинным хвостом и отсечь его может разве что только большое чудо, каким бы это прошлое ни было.

И вот однажды Аарт решил пойти на хитрость. Рассказал он сыну выдуманную историю:

— Знаю я, как отпустить своё прошлое. Для этого нужно пройти череду испытаний.

— Отчего же ты раньше мне об этом не говорил, отец? Неужто есть средство от моей печали?

— Пусть это будет наш с тобой секрет. Вино из горьких лесных ягод избавит тебя от оглядки на прошлое, и ты сможешь жить настоящим.

— Где же мне найти его, отец?

— Вино нужно приготовить самому. Только испытания уж очень жуткие. Справишься?

— Конечно, раз уж ты говоришь, что я во многом ладен.

— Ещё ни одно юное сердце не смогло их выдержать.

— Рассказывай, не томи.

— Для начала ты должен вырвать сердце у короля красных агатов, затем пережить собственную смерть, а уже потом разыскать ледяной кубок в зелёном лесу и приготовить на основе крови и собственных переживаний вино, добавив в него горькие ягоды, которые найдёшь на поляне, иначе колдовство не будет действовать.

Подумал Йель: «Ох, не хочется мне такой кровавой расплаты со своим прошлым, ведь оно не такое страшное, — а затем решил: — Раз уж я решил избавиться от роя мыслей, что не даёт мне ни есть, ни спать, нужно отправляться. Вдруг вино из горьких ягод достанется кому-нибудь другому». С этой мыслью он и отправился в путешествие.

Рассердилась Авалина:

— Неужто ты, Аарт, лишился рассудка? Как мог ты отправить сына неизвестно куда?! Не существует такого короля, у которого можно было вырвать сердце! Затем столько кровопролития?

— Не сердись, Авалина, — ответил Аарт, — историю я выдумал. Если человек захочет отпустить прошлое, он на многое пойдёт: разум нарисует дорогу, а там и испытания найдутся. А если сердце у него доброе, то никакой крови не прольётся.

* * *

Целый день шёл Йель по знакомой дороге из деревни и вышел к каменным руинам.

— Откуда они здесь? Неужто много лет здесь стоял замок и никто его не замечал? Да и руины какие-то странные: камни чёрные, будто угли, а внутри красные вкрапления, сияющие словно драгоценные. Не это ли замок, в котором некогда жил король? Если да, почему от него остались только руины?

— Посмотри на меня, и я расскажу тебе обо всём! — услышал Йель.

Поднял он голову и увидел уцелевшую башню: чёрную с красными драгоценными вкраплениями.

— Не ты ли король, у которого я должен вырвать сердце?

— Я. Только известно мне, что пришёл ты не ради битвы. Такому-то я и буду рад отдать свою кровь и сердце.

Удивился Йель. Не ожидал он, что король — это огромная чёрная башня.

— Почему ты называешь себя королём? — спросил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.